

Глава рода Пан слушал с замиранием сердца: — ...Недаром ты сегодня велел Янь Синъюаню расспросить её именно так. Значит, дело было в этом. Брат, не то что Цзин Юй — даже я далёк от тебя в умении плести такие расчёты и планы!

Сун Инчжи выслушал и покачал головой: — Какие уж там расчёты? Я думаю о стольких вещах лишь ради одного — чтобы всё было надёжно. Но, брат Пан, если ты хочешь получить Город Сяньинь, тебе стоит остерегаться Цзин Юя.

Глава рода Пан тут же спросил: — Что ты имеешь в виду?

Сун Инчжи сказал: — По правилам моего Управления Тяньмин, Великий Чиновник Цзи имеет право принимать земли и осуществлять покровительство. Владыка Управления ныне собирается его наградить, и кто знает, не позарится ли он на земли Города Сяньинь.

После этих слов глава рода Пан действительно занервничал: — Так... так и есть! Он убил Ли Юнъюаня и Свечу Небесных Звуков, и теперь весь мир превозносит его. Если он попросит земли Города Сяньинь, никто не посмеет отказать.

Сун Инчжи ответил: — Верно. Изначально было всё равно, кому достанется Город Сяньинь, но я поразмыслил и понял: по сравнению с Цзин Юем, брат Пан, ты подходишь куда больше. Не говоря уже о твоём праведном происхождении, в делах человеческих ты вызываешь у меня глубокое уважение... Хм, у меня есть способ разрешить твои тревоги, брат Пан.

Глава рода Пан воскликнул: — Какой способ? Говори же скорее!

В комнате тускло мерцали свечи. Сун Инчжи слегка подался вперёд, словно собираясь поведать тайну: — Меч Ли Юнъюаня всё ещё в руках Цзин Юя. Если брату Пану удастся добыть этот меч, всё уладится само собой.

Глава рода Пан вспыхнул от нетерпения: — Почему?

Две тени — одна высокая, другая пониже — легли на ширму, склонившись друг к другу в шёпоте над планом. Сун Инчжи говорил: — Перед смертью Ли Юнъюань применил против Цзин Юя Заклинание Оружия. На его клинке сгустились молнии, остались следы убийства зла. Брат Пан, ты ведь тоже знаешь: Цзин Юй рассказывал всем, что когда он увидел Ли Юнъюаня, тот уже был безумен...

Сумасшедший Проводник духов ни за что не станет использовать Заклинание Оружия для убийства зла. Даже если от меча остались лишь осколки, стоит передать их Секте Костей Грома — и станет ясно, что Цзин Юй лжёт. Поэтому Цзин Юй и забрал этот меч с собой.

Глава рода Пан словно прозрел: — Так вот в чём уязвимость Цзин Юя... Но этот меч так важен, что он наверняка его спрятал. Найти его будет непросто.

Сун Инчжи сказал: — Пик Лянь не так уж велик. Пошли людей потихоньку поискать, никуда он не денется. Кто там?!

Они услышали какой-то шорох и разом вскочили. Когда они обогнули ширму, застали лишь покачивающееся окно. Глава рода Пан широкими шагами подошёл к окну, выглянул наружу и обнаружил, что это просто поднялся ночной ветер.

— Похоже, к дождю, — он закрыл окно. — Брат...

Под самым окном, затаив дыхание, замер Цзян Чжо. Этой Технике Невидимости его обучила Старшая Сяоцзе — она всю жизнь убегала от погонь, потому и владела ею в совершенстве. Не думал он, что она так пригодится сегодня. Он не побежал сразу, а подождал под окном. И точно: глава рода Пан, хоть и говорил, что ничего страшного, ног от окна не отводил. Так прошло ещё время, и лишь тогда двое наконец вернулись в комнату.

Как только Цзян Чжо встал на ноги — сразу бросился бежать со всех ног. Преследователей было много, и он не смел расслабиться ни на миг. Лишь выбравшись за пределы Города Сяньинь, он снял невидимость. Уже было около третьей стражи, в небе не виднелось ни проблеска света. Ветер с полей хлестал по лицу, как морские волны. Он поднял Коралловую Подвеску: — Братец, нам нужно на Пик Лянь. Знаешь дорогу?

Подвеска тут же засветилась, указывая ему направление. Цзян Чжо сделал несколько шагов и почуял неладное: нынче ночью Подвеска тянула его с необычной силой, словно хотела вести за собой. Он попробовал подзвать её обратно, но она замерла в воздухе, не шелохнувшись.

Цзян Чжо сказал: — Это ты?

В пустом поле лишь выл ветер, но Цзян Чжо знал: кто-то стоит впереди. Спустя мгновение тот человек тихо промычал «хм», будто ему ничего не оставалось.

Цзян Чжо спросил: — Ты всё это время шёл за мной?

На лице молодого господина проступило редкое смущение. Он чуть отвернул голову, словно не желая, чтобы кто-то видел его в таком жалком виде. Он был перепачкан, его гнали и ругали всю дорогу — ни капли прежней беззаботности.

Тот ответил: — Нет.

Цзян Чжо сказал: — Поклянись.

Тот помедлил: — Я не шёл за тобой. Всё время.

Фраза прозвучала двусмысленно, но раз он сказал, что нет, Цзян Чжо поверил. Ветер качнул Меч Буцзин у его пояса. Цзян Чжо прижал ладонь к рукояти: — Ты знаешь дорогу?

Тот ответил: — Нет.

Цзян Чжо сказал: — Мне нужно на Пик Лянь.

Тот спросил: — За мечом?

Цзян Чжо ответил: — Верно.

Тот отпустил Коралловую Подвеску. Цзян Чжо подумал, что ему уступают дорогу, и шагнул вперёд — но налетел прямо на него. Тот не проронил ни слова, лишь поднял руку. Цзян Чжо ещё не понял, что тот задумал, как его глаза оказались закрыты повязкой — прохладной на ощупь шёлковой лентой. Без каменной стены, когда тот наклонился, его волосы и рукав задели плечо Цзян Чжо, и от него исходил странный аромат, похожий на запах сожжённых благовоний.

Цзян Чжо спросил: — Зачем ты закрыл мне глаза?

Тот, завязывая ленту, будто разглядывал его: — Потому что я Не-человек. Увидишь меня — и убежишь.

Цзян Чжо не поверил и спросил снова: — Твои глаза уже вылечились?

Тот ответил: — Вылечились.

Он опустил руку и взял Цзян Чжо за запястье. Цзян Чжо чуть отдёргнулся — тот был обжигающе горячим, ещё горячее, чем в пещере. Возможно, это движение задело его. Длинные пальцы скользнули вниз и переплелись с пальцами Цзян Чжо.

— Подожди немного, — словно советуясь, проговорил тот. — Пойдёт дождь, и я остыну.

Цзян Чжо несколько дней безостановочно убегал, в душе всегда туго натянута струна, а сейчас, стоя посреди дикого поля за руку с этим человеком, он ощутил что-то почти абсурдное: — Если я не забыл, тебе нельзя свободно покидать ту пещеру. Теперь ты идёшь за мной — ничего страшного?

Тот ответил: — Ничего. Я лишь на два часа.

Цзян Чжо спросил: — О? Даже под дождём — всего два часа?

Тот шёл впереди, голос его звучал глухо, не так, как в тот день в пещере, — видимо, он снова прибег к маскировке: — Для меня два часа — уже очень долго. Дождь не так сильно на меня действует. Иногда я могу появиться лишь на миг.

Цзян Чжо, с завязанными глазами, отставал на шаг, вспоминая его прошлые слова: — Если боишься, что выйдя, потеряешь контроль, я могу нарисовать тебе талисман.

Тот сказал: — Не надо.

Цзян Чжо сказал: — Братец, не смотри, что я сегодня в таком виде. В рисовании талисманов я очень силен.

Тот лениво протянул: — Разве твой братец — не Коралловая Подвеска?

Цзян Чжо ответил: — Это я так, наспех, назвал.

Тот сказал: — Коралловая Подвеска — твой братец, меч — тоже твой братец. У тебя слишком много братьев. Я не хочу быть одним из них.

Цзян Чжо подумал: верно, он прямо в точку угадал. Не только Коралловая Подвеска и Меч Буцзин — даже травы и деревья на Горе Бэйлу я называл братьями.

Тот спросил: — Ты идёшь на Пик Лянь, чтобы взять меч для ещё одного брата?

Цзян Чжо ответил: — Да. Но мне нужно сделать ещё кое-что.

Тот сказал: — Знаю.

Цзян Чжо слегка удивился: — Ты знаешь?

Тот сказал: — Ты идёшь убивать.

Он говорил уверенно, будто хорошо знает Цзян Чжо. Тут с неба начал моросить дождь, падая на их сцепленные руки. Цзян Чжо вдруг улыбнулся: — Да, я иду убивать. Если честно, всю дорогу я думал о том, как я его убью.

Тот спросил: — Четыре Иглы, Фиксирующие Кости, — это он воткнул?

Цзян Чжо ответил: — Да.

Тот сказал: — Тогда будь осторожен. Не дай ему подняться на вершину горы.

Он за все разговоры почти не проявлял интереса к другим людям, а тут специально упомянул это — Цзян Чжо удивился: — Почему?

Тот сказал: — На Пике Лянь есть кольцо Массива Призыва Зла, которое может вызвать Обиженные души из Реки Молитв. Его проклятия загадочны и коварны, он может черпать силу из такого массива.

Цзян Чжо задумался: — В ту ночь его действительно окутывала чёрная дымка, не как у последователей сотни школ...

Он вспомнил ту ночь: Ли Юньюань применил против Цзин Юя «Цзинчуань», но тот отразил его тремя таинственными заклинаниями — именно они заставили Ли Юньюаня изрыгнуть кровь, и тот не смог больше сражаться. Неужели и тогда Цзин Юй расставил в Городе Сяньинь Массив Призыва Зла?

Жаль, что Управление Тяньмин было настолько крошечной и неприметной школой, что Цзян Чжо почти ничего о них не знал. Не только он — ещё полмесяца назад вряд ли кто-то поверил бы, что в такой маленькой школе найдётся человек, способный соперничать с Ли Юньюанем. Сейчас Цзин Юй прославился, но он всего лишь «Великий Чиновник Цзи», а Владыкой Управления Тяньмин был кто-то другой.

Подумав об этом, Цзян Чжо сказал: — Ты знаешь о Горе Чжуаньлань?

Тот спросил: — О Высшей Опорной Колонне?

Цзян Чжо кивнул: — Верно, «Высшую Опорную Колонну» зовут ещё Гора Чжуаньлань. Тот, кого я собираюсь убить, родом именно с Горы Чжуаньлань. Теперь, если подумать, то место близ Небесного Рва — искони зловещее.

На самом деле несколько сотен лет назад в мире было не «Три горы, шесть областей», а «Четыре горы, шесть областей». «Четыре горы» — это четыре Небесных Столпа. По воле богов они хранили тайные сокровища Цзюму и стерегли Беспредельное Небесное Море. Но потом Восточный и Южный Небесные Столпы неожиданно обрушились, Беспредельное Небесное Море накренилось и хлынуло вниз, пробив в земле Небесный Ров — тысячу ли в длину и бездонный в глубину, утопив десятки тысяч людей. Чтобы остановить Небесное Море, школы Востока и Юга принесли в жертву свои сокровища и призвали божество по имени Чжуаньлань. Чжуаньлань, почувствовав волю Неба, мгновенно обратился в гору, вздыбившуюся у Небесного Рва, и стал самой высокой горой в мире — той самой Горой Чжуаньлань.

С Горой Чжуаньлань угроза Небесного Моря была устранена. Это должно было стать всеобщей радостью, но никто не ожидал, что в тот самый день, когда Чжуаньлань стал горой, из Небесного Рва родится новое божество. Новый бог, омытый водами Небесного Моря, был

воплощением злобы и обид. Говорили, что стоит ему открыть глаза — и Огонь Разлуки Новолуния испепелит всё живое, а куда он ступит — туда придут беды и несчастья... Именно поэтому Река Молитв, вытекающая из Небесного Рва, полна злобы и обиды, и каждый год всем именитым школам приходится сообща сдерживать её.

Цзян Чжо погрузился в раздумья и не заметил, как дождь усилился. Шёлковая лента, намокнув, сама собой сползла вниз. Он чуть приоткрыл глаза, глядя в щель — но не успел увидеть ничего, как глаза снова накрыла повязка.

Тот был совсем рядом: — Пришли.

Цзян Чжо сказал: — Ты уже уходишь?

Тот дышал тихо-тихо, и, наклонившись, смотрел на него, как на ребёнка: — Ты не хочешь, чтобы я уходил?

Другой рукой Цзян Чжо всё ещё сжимал меч. Он приподнял уголок губ: — Я...

Тот сказал: — Ты не можешь мне улыбаться.

Цзян Чжо спросил: — Даже разок нельзя?

Жар того человека заметно поднимался. Он сказал, отчётливо припоминая: — Ты уже улыбнулся один раз, когда говорил про «убийство».

Цзян Чжо сказал: — Ладно, послушай. Хоть у меня и много братьев, но такого близкого по духу друга, как ты, у меня ещё не было. Сегодня я поднимусь на Пик Лянь, и если смогу сделать те два дела — угощу тебя вином.

Этот поход опасен: и меч Ли Юньюаня достать, и Цзин Юя убить — для этого нужно рискнуть жизнью. Подумав, он добавил: — Я должен был спросить твоё имя ещё раз, но если эти два дела не удадутся, спрашивать бесполезно... В следующий раз, когда будем пить вино, я спрошу тебя. Хорошо?

Тот не ответил. Лента перед глазами Цзян Чжо ослабла и соскользнула по переносице. Он поймал её, открыл глаза — перед ним лишь плотная завеса дождя, и никого нет.

Тот уже ушёл.

Цзян Чжо не опечалился. Уже полностью рассвело, он стоял на распутье и, чуть подняв голову, видел очертания Пика Лянь. Вершина пряталась в облаках — силуэт богини, утирающей слёзы. При взгляде на неё невольно просыпалась жалость, потому её и называли Пик Лянь — Пик

Жалости. Должно быть, из-за погоды Заклятие Запечатывания Гор у подножия было хорошо видно — в лесу вспыхивали полосы золотого света.

Обычно школы с более-менее известным именем ставят на своей территории такое Заклятие Запечатывания Гор. Оно действует как барьер, не пуская чужаков. Цзян Чжо хорошо знал это заклятие: сложив печать Сокрытия Ауры и Невидимости, он перешагнул через него. Он не стал сразу подниматься в гору, а замаскировался и сперва спустился в посёлок у подножия разузнать новости.

— Нынче дождь сильный, торговли нет никакой! Братья, сидим тут, пьём вино — есть какие вести?

В старой винной лавке у ворот посёлка собралось много Соляных Торговцев. Они разбились на кучки, заказывали тарелочки с арахисом и соленьями, переговаривались между собой.

— Какие ещё вести? Всё про тот случай в Городе Сяньинь.

— То дело наделало много шума. Недавно же ещё было какое-то Собрание Мириадов Сект — говорят, все кланы и школы Двух южных областей туда съехались. Вот это мощь! Побольше, чем когда шесть областей прекратили войну.

Несколько человек в центре, похоже, пользовались авторитетом. Один из них, закусывая, посмеялся над другими: — Гляди ты, какой ты неотёсанный. Что за мощь у Двух южных областей? С тех пор как Школа Цянькунь пришла в упадок, тамошние школы давно никчёмны!

Другой поддакнул: — Верно-верно. Раньше ведь говорили про «Четыре горы»? Теперь даже Секта Пошо не в почёте, что уж говорить о Школе Цянькунь.

Тот, что закусывал, сказал: — Секта Пошо ещё о чём-то говорит. Вы все последние дни по домам сидели, ещё не знаете? Один ученик Секты Пошо — говорят, к тому же ученик Ши Ицзюня, — на Собрании Мириадов Сект избил старейшину Хуана из Секты Шамань, назвался сообщником Ли Юньюаня, да так, что Ли Сянлину пришлось обнажить меч!

Он говорил с преувеличенным пафосом, и вокруг него собрались все, ахая от волнения. Кто-то присвистнул: — Ли Сянлин обнажил меч — и этому ученику Секты Пошо ещё жить осталось?

Закусывающий ответил: — Конечно нет. Говорят, он на месте харкнул кровью, упал и умер.

Цзян Чжо, попивая вино рядом, подумал: вот ведь ерунда какая.

Закусывающий отложил палочки и поманил остальных: — Да ну это всё. У меня есть кое-какие слухи, куда занятнее, расскажу вам.

Люди собрались в кружок: — Какие слухи?

Закусывающий сказал: — Слышал я, что тот Великий Чиновник Цзи, что живёт наверху, в последнее время чувствует себя неважно. Вы, когда будете грузы возить, смотрите, не накликайте на себя его гнев.

Великий Чиновник Цзи на Пике Лянь был один-единственный — тот самый Цзин Юй, который ещё залечивал раны.

Народ не понял, кто-то спросил: — Он же отличился при спасении, его все шесть областей нахваляют как великого героя. С чего бы ему плохо житься?

Закусывающий сказал: — Подробности не знаю, но слышал от других братьев: Владыка Управления в прошлый раз прислал ему Приказ Быстрой Пересылки и как следует отчитал! А он тоже умный — сейчас под предлогом лечения ран сидит на горе и никого не принимает.

Другие удивились: — Странно. Он же сейчас на пике славы! Какую он мог совершить ошибку, чтобы Владыка Управления взялся за него именно в такое время?

Закусывающий прихлебнул вина: — Кто знает? Гляди, настроение у него в последнее время отвратительное: на горе то дерётся, то убивает — страх один!

Другой добавил: — Раз Владыка Управления на него взъелся, он срывается на других. Когда я был на горе, видел, как он созвал кучу учеников и заставил их изображать Ли Юньюаня... и убил нескольких!

Все, кажется, о таком уже слышали и только сказали: — У него такой нрав. Он и обычно-то никому, кроме своего младшего брата, доброго слова не скажет. Ли Юньюань тоже бедняга: умер — так умер, а его ещё по сто раз убивают...

Они, похоже, боялись Цзин Юя даже больше, чем всеми проклинаемого ныне Ли Юньюаня. Закусывающий сказал: — Он ненавидит Ли Юньюаня до мозга костей, даже само название «Секта Костей Грома» произносить не даёт. У кого из вас в имени есть эти три слова — лучше заранее поменяйте! А то услышит — в лучшем случае побьёт, в худшем — головы лишит.

Компания ещё переговаривалась, как вдруг занавеска колыхнулась — вошёл ученик в белых одеждах. Он с холодным видом произнёс: — Ах вы, оборванцы поганые! Смее за спиной обсуждать Великого Чиновника Цзи!

С этими словами Соляные Торговцы, сидевшие в лавке, в панике заметались. Закусывающий вскочил и принялся отвечать себе пощёчины: — Не смеем, не смеем! Только что вина выпили, помутнение нашло...

Ученик сказал: — Хватит болтать. Взять их всех, увести!

В дверь тотчас ворвалась толпа в белом, мигом скрутили Соляных Торговцев одного за другим и поволокли к выходу. Дождь снаружи лил как из ведра. Соляные Торговцы ещё умоляли: — Пощадите, небожители! Мы лишнего выпили, заслужили, заслужили!

Тот ученик даже бровью не повёл: — Вот подниметесь на гору — там и наорётесь всласть. Чего сейчас шумите? Закройте рты!

Оставшиеся онемели от страха, жались по углам, скорчившись, не смея и взглянуть. Ученик бросил платок, которым вытирал руки, на прилавок и обратился к хозяину: — Ты хозяин?

Хозяин тоже перепугался: — Отвечаю небожителю... да... и не да...

Ученик рывкнул: — Да — так да, нет — так нет. Что ты со мной в прятки играешь? Да или нет?

У хозяина подкосились колени, он рухнул на землю и закивал, как болванчик: — Да, я... да...

Едва он договорил, как раздался грохот — ученик разбил о стойку кувшин с вином. Затем он приказал остальным: — Всё крушите!

В лавке мгновенно начался хаос: кто опрокидывал чаны, кто бил миски — всё налетело разом, не обращая внимания на вопли хозяина, и за несколько мгновений превратило аккуратную винную лавку в развалины. Ученик, ступая по лужам вина, пнул хозяина и рывкнул: — Ты что, оглох?! Позволяешь им тут сидеть, пить да болтать! Бесстыжий ты хрыч! Если бы не Великий Чиновник Цзи, разве ты бы сейчас тут вино торговал? Неблагодарная скотина!

Хозяин распластался на полу, трясаясь всем телом: — Небожитель, небожитель, уймите гнев...

Ученик сказал: — У меня сегодня другие дела, так что прощаю тебя в первый и последний раз. Ещё раз такое повторится — и голову твою собственноручно сниму. Слышал?

Хозяин, утирая слёзы, закивал. Ученик, договорив, махнул рукавом и вышел за дверь. Все слышали, как он у входа отдаёт приказы, как Соляных Торговцев волокут по улице, — но никто не посмел и пикнуть. Лишь когда белые одежды скрылись вдали, хозяин разразился громким плачем: — Лавка моя... вино моё...

Он рыдал безутешно и не заметил, как перед ним кто-то присел и протянул кошель с деньгами.

Цзян Чжо сказал: — Я за вино ещё не заплатил.

Хозяин, увидев меч у него на поясе, побоялся взять и спрятал руки: — ...Небожитель пил вино, я... я не возьму денег...

Цзян Чжо не стал тратить слов и тихонько бросил кошель ему на грудь: — Твоё вино очень хорошее. Есть покрепче? Я всё беру.

Он не говорил о помощи, только о покупке вина. Хозяин в душе проникся благодарностью, сходил на задний двор и вынес большой пузатый керамический кувшин, отдал его Цзян Чжо: — В глуши, где мы живём, нет достойного вина, чтобы поднести. Единственный этот чан «Сяояо Син» мой покойный отец привёз когда-то с Горы Сикуй. Государь мой, если не побрезгуете — пейте на здоровье!

<http://bllate.org/book/19195/1885301>